

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

И.М. Савельева, А.В. Полетаев

ИСТОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Препринт WP6/2005/04

Серия WP6

Гуманитарные исследования ИГИТИ

Москва
ГУ ВШЭ
2005

УДК 930.1
ББК 63
С 12

С 12 **Савельева И.М., Полетаев А.В.** История и социальные науки. Препринт WP6/2005/04. — М.: ГУ ВШЭ, 2005. — 32 с.

В последние десятилетия отношения истории с социальными науками обсуждаются в большом числе работ, посвященных «историографическим поворотам». Поэтому, учитывая проработанность темы «поворотов в историографии», в том числе и в российской, мы хотим предложить некоторые более общие соображения о модусе существования исторической дисциплины среди других социальных и гуманитарных наук, о моделях междисциплинарного взаимодействия.

Понимание специфики современной истории (исторического знания), по нашему мнению, требует рассмотрения четырех взаимосвязанных тем:

- 1) Соотношение истории с другими типами знания, прежде всего вненаучного (философия, искусство, идеология, религия и т. д.);
- 2) Характер различий между историей и другими социальными науками;
- 3) Степень научности истории, т. е. ее сходства с другими общественными науками;
- 4) Модели взаимодействия истории с другими общественными науками.

Научная новизна такого подхода состоит в использовании возможностей социологии знания для анализа исторической эпистемологии и последовательном исследовании соотношения истории с разными формами знания о прошлом.

УДК 930.1
ББК 63

Savelieva I., Poletayev A. History and social sciences. Working Paper WP6/2005/04. — Moscow: State University — Higher School of Economics, 2005. — 32 p. (in Russian).

The position of history in the realm of social sciences has been treated thoroughly in recent Western and Russian historiography. Mostly research was concentrated on historiographical “turns”. In consideration of substantial efforts devoted to “historiographical turns”, we propose more general analysis to show the relationship between history, social sciences and humanities, the diversity of interdisciplinary interaction models.

The suggested analysis of specificity of historical knowledge consists of four problems depending upon one another.

- 1) The relationship between history and other types of knowledge, foremost non-scientific (philosophy, arts, ideology, religion, etc);
- 2) The nature of *distinctions* between history and other social sciences;
- 3) The scientific foundations of history, that is its *similarity* to social sciences;
- 4) Models of *interaction* between history and other social sciences;

The novelty of suggested approach consists of application of sociology of knowledge theory for innovative analysis of historical epistemology, and successive investigation of the relationship between history and other forms of knowledge about the past.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте: <http://www.hse.ru/science/preprint>

© И.М. Савельева, 2005
© А.В. Полетаев, 2005
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2005

В последние десятилетия отношения истории с социальными науками обсуждаются в большом числе работ, посвященных «историографическим поворотам»¹. Поэтому, учитывая проработанность темы «поворотов в историографии», в том числе и в российской², мы хотим предложить некоторые более общие соображения о модусе существования исторической дисциплины среди других социальных и гуманитарных наук, о моделях междисциплинарного взаимодействия.

Понимание специфики современной истории (исторического знания)³, по нашему мнению, требует рассмотрения четырех взаимосвязанных тем:

¹ См., например: *Faire de l'histoire* / Eds. J. Le Goff, P. Nora. 3 tomes. P.: Éditions Gallimard, 1974; *La nouvelle histoire* / Eds. R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. P.: Retz/CEPL, 1978; *International Handbook of Historical Studies: Contemporary Research and Theory* / Eds. G. G. Iggers, H. T. Parker. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1979; Wehler H.-U. *Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Studien zu Aufgabe und Traditionen der deutschen Geschichtswissenschaft*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980; *The New History: The 1980's and Beyond. Studies in interdisciplinary history* / Eds. Th. K. Rabb, R. Rothberg. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1982; Novick P. *That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988; *New Perspectives on Historical Writing* / Ed. P. Burke. Cambridge: Polity Press, 1991; Iggers G. G. *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover (NH): Wesleyan Univ. Press; University Press of New England, 1997 [Germ. ed. 1993]; *Passés recomposés: Champs et chantiers de l'histoire* / Eds. J. Boutier, J. Dominique. P.: Éditions Autrement, 1995; *L'Histoire et le métier d'historien en France 1945–1995* / Ed. F. Bédarida. P.: Éditions de la MSH, 1995; Windsschuttle K. *The Killing of History: How Literary Critics and Social Theorists are Murdering Our Past*. San Francisco: Encounter Books, 1996; Hobsbawm E. *On History*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1997; Pomian K. *Sur l'histoire*. P.: Éditions Gallimard, 1999; Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2000 [1984/2000]; Clark E. *History, Theory, Text. Historians and the Linguistic Turn*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2004.

² Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998; Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко / Ред. С. П. Карпов. М.: РОССПЭН, 2000; XX век: Методологические проблемы исторического познания / Ред. А. Л. Ястребицкая. В 2-х ч. М.: ИНИОН РАН, 2001; и др. Эта тема регулярно обсуждается на страницах периодических изданий («Одиссей. Человек в истории», «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории» и др.).

³ В данной статье, во избежание терминологической путаницы, термин «история» мы используем только для обозначения истории-знания. В тех случаях, когда речь будет идти об истории-тексте (историческом нарративе) и об истории-реальности (бытии человечества во времени), это будет оговариваться особо.

1) Соотношение истории с другими типами знания, прежде всего вненаучного (философия, искусство, идеология, религия и т. д.);

2) Характер различий между историей и другими социальными науками;

3) Степень научности истории, т. е. ее сходства с другими общественными науками;

4) Модели взаимодействия истории с другими общественными науками.

Научная новизна такого подхода состоит в использовании возможностей социологии знания для анализа исторической эпистемологии и последовательном исследовании соотношения истории с разными формами знания о прошлом.

1. История и вненаучные формы знания

Знание о прошлом является объектом активного обсуждения в самых разных аспектах — от проблем эпистемологии и национальной идентичности до школьного образования и «культурной памяти». При этом часто любое знание о прошлом, включая религиозное, философское, художественное и т. д., именуют «историческим» знанием (иногда используют слово «представления», но это не меняет сути). Все эти формы знания участвуют в формировании «образа прошлого», существующего в каждом современном обществе, а в предшествующие исторические эпохи те или иные из них были даже более влиятельными, чем собственно «история». Однако, во избежание путаницы, применительно к современным условиям мы называем историей (в смысле знания) только общественно-научное знание, отличая его от других представлений о прошлом. Как писал М. Оукшот,

«Всякий, кто уделяет внимание прошлому, задает вопросы или что-то утверждает о нем, в какой-то мере участвует в деятельности, являющейся главным занятием историка. Все утверждения о прошлом являются в некотором смысле «историческими» утверждениями. Но историка отличает стремление верифицировать свои утверждения. В качестве особой деятельности «история» возникает из общего и неспециализированного интереса к прошлому в тех случаях, когда существует искренняя забота об «истине», и «историческим» событием является любое происшествие, которое, по нашему убеждению (опирающемуся на определенные методы исследования), было таким, как мы его описали»⁴.

⁴ Оукшот М. Деятельность историка [1955] // Оукшот М. Рационализм в политике: Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 128–152 (С. 130).

Предлагаемый нами подход к анализу знания о прошлом базируется на использовании и развитии концепций, разработанных в рамках социологии знания, которая оказалась очень эффективным теоретическим инструментом для целей нашего анализа.

В первой половине XX в. теоретическая социология знания складывалась в основном усилиями немецких исследователей (М. Шелер, К. Манхейм, Э. Кассирер, А. Шюц)⁵. В 1960—1970-е гг. появляются обобщающие теоретические работы по социологии знания, развиваемой теперь в основном в рамках англо-саксонской традиции (Я. Хинтика, П. Бергер и Т. Лукман, Д. Блур, Б. Барнс, К. Кнорр-Цетина и др.)⁶ В рамках социологии знания исследуется много самых разных тем — механизм социального признания и объективации индивидуальных «мнений» и придания им статуса «знания», процесс формирования «социального запаса знания» (термин А. Шюца), роль сетевых взаимодействий между «производителями знания», принципы функционирования экспертных сообществ и т. д. Большое внимание уделяется влиянию на развитие системы знания групповых интересов и властных отношений (Ю. Хабермас, Б. Барнс, М. Фуко, П. Бурдьё и др.)⁷

Для нашего анализа существенным является только одно направление, разрабатываемое в социологии знания. Как показано во многих работах, реальность и ее подсистемы конструируются в разных

⁵ *Versuche zu einer Soziologie des Wissens* / Hrsg. M. Scheler. München; Leipzig: Duncker & Humblot, 1924; Манхейм К. Очерки социологии знания: Пер. с нем. М.: ИНИОН РАН, 1997 [1922–1925]; Шелер М. Проблема социологии знания [1926]: Пер. с нем. Гл. 1: Сущность и понятие социологии культуры // Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 122–160; Гл. 2: Социология знания // Теоретическая социология: Антология / Сост. С. П. Баньковская. В 2-х ч. М.: Университет, 2002. Ч. 1. С. 350–373; Кассирер Э. Феноменология познания [1929] // Кассирер Э. Философия символических форм: Пер. с нем. В 3-х т. М.; СПб.: Университетская книга, 2002 [1923–1929]. Т. 3; Шюц А. Смысловое строение социального мира [1932] // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом: Пер. с англ. и нем. М.: РОССПЭН, 2004. С. 685–1022 и др. работы в указ. издании.

⁶ Hintikka J. *Knowledge and Belief*. L.; Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1962; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: Пер. с англ. М.: Медиум, 1995 [1966]; Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. London: Routledge & Kegan Paul, 1976; Barnes B. *Interests and the Growth of Knowledge*. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1977; Knorr-Cetina K. D. *The Manufacture of Knowledge*. Oxford: Pergamon Press, 1981.

⁷ Habermas J. *Erkenntnis und Interesse*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1968; Barnes B. *Op. cit.*; Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть [1987] // Бурдьё П. Начала: Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994 [1987]. С. 181–207; Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977* / Ed. C. Gordon. London: Harvester, 1980.

типах символических универсумов (систем знания)⁸. С теоретической точки зрения эти символические системы являются равноправными, т. е. имеют в целом схожие механизмы формирования и, в самом общем виде, выполняют одни и те же функции в обществе, важнейшей из которых является формирование представлений о мире и, тем самым, конструирование реальности.

Обратной стороной «уравнивания в правах» разных типов знания стало повышенное внимание к проблеме их демаркации или различения. Решение этой задачи в рамках философии познания считалось самоочевидным⁹ — еще в начале XX в. вопрос решался на удивление просто: наука отличалась, например, от религии, тем, что первая была знанием, а вторая — верой (не-знанием или ложным знанием). Признание эпистемологического равноправия всех символических универсумов потребовало более тонких способов демаркации и стало полем для многочисленных дискуссий. Возникшие концептуальные сложности привели к появлению крайней позиции, сводящейся к тому, что поскольку формирование всех типов знания происходит в целом одинаковым образом, различиями между ними можно пренебречь, например, определяя их все как «верования». Однако различение и демаркация знаний и соответствующая экспертная специализация являются одним из важнейших условий прогресса знания.

Процесс размежевания знания был составной частью общего процесса дифференциации общества¹⁰. От практически нулевой дифференциации в рамках архаичного знания и далее ко все более сложным символическим универсумам шла специализация знаний по предмету и методу. Если говорить о предмете, то разделение трех типов реаль-

⁸ Помимо цитированных выше работ см., например, серию статей К. Гирца: Гирц К. Идеология как культурная система [1964] // Гирц К. Интерпретация культур: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 225–267; Гирц К. Религия как культурная система [1966] // Гирц К. Интерпретация культур: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 104–148; Geertz C. Common Sense as a Cultural System [1975] // Geertz C. Local Knowledge: Further Essays in Interpretative Anthropology. N. Y.: Basic Books, 1983. P. 79–93; Geertz C. Art as a Cultural System [1976] // Geertz C. Local Knowledge: Further Essays in Interpretative Anthropology. N. Y.: Basic Books, 1983. P. 94–120.

⁹ Проблема демаркации была сформулирована К. Поппером в 1934 г. применительно к разделению научного и философского («метафизического») знания. Мы используем этот термин в более широком смысле для характеристики проблемы различения всех видов знания.

¹⁰ О процессе дифференциации см., например: Парсонс Т. Система современных обществ: Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1997 [1971].

ностей — божественной, природной (физической) и социальной — как объектов изучения начинает формироваться только в Новое время, становится относительно общепринятым к концу XVIII в., а окончательно утверждается и концептуализируется лишь на исходе XIX в. Параллельно в Новое время все четче осознавались различия не только в предмете, но и в методе познания. В полной мере это относится и к социальному миру, знание о котором формируется в разных символических универсумах — в религии, философии, искусстве, социальных и гуманитарных науках, идеологии и т. д.

Различные типы знания о социальной реальности как правило являются темпорализованными, т. е. конструируют представления о прошлом, настоящем и будущем. Исследование содержания «образов прошлого», предпринятое нами в контексте социологии знания¹¹, показывает, что в таких типах знания можно выделить специфические конструкции, которые существенно отличаются друг от друга. В разные эпохи и в разных обществах отдельные символические универсумы играли доминирующую роль в формировании образа прошлого (очевидно, например, значение религии в Средние века и философии и науки в Новое время). Конечно, все эти репрезентации влияют друг на друга, и образы прошлого всегда представляют собой некий синтез. Поэтому существенно дифференцировать их, показать, какой образ прошлого создается в каждом типе знания и какими средствами, а потом суметь различить в конкретном дискурсе собственное ядро и включения представлений о прошлом, выработанные в других символических универсумах.

В некоторых из типов знания, участвующих в конструировании представлений о социальной реальности, в процессе дифференциации выделяются более узкие специализированные области, ориентированные преимущественно на прошлое. Например, еkkлезиология в христианской теологии, субстанциальная, или спекулятивная, философия истории (как бытия человечества во времени) в философии, историческая живопись (изображение событий прошлого) в искусстве и т. д. Но, пожалуй, только в общественно-научном знании выделяется отдельная специализированная дисциплина, изучающая прошлую социальную реальность — историческая наука.

¹¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003–2005.

Со времен античности термин «история» в значении знания использовался в самых разных смыслах. Но все же во всем этом многообразии смыслов всегда присутствовало, наряду со многими другими, понимание «истории» как чего-то вроде общественно-научного знания (точнее, прообраза того, что мы теперь называем общественным знанием). Начиная с эпохи эллинизма «историей» (когда более, когда менее отчетливо) обозначалось эмпирико-теоретическое знание о социальной реальности. Это эмпирико-теоретическое знание чаще всего переплеталось с философией, мифами/религией, искусством, моралью и т.д., но элементы общественнонаучного знания явно присутствуют в большинстве тех сочинений, которые именовались «историческими», начиная с Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия, Ливия, Тацита и т.д.

Удельный вес общественнонаучного смысла термина «история» в значении знания по известным причинам падает в эпоху Средневековья, когда религиозное знание становится абсолютно доминирующим, и возрастает только в период Ренессанса. «Исторические» сочинения Никколо Макьявелли, Флавио Бондо, Жана Бодена и их последователей все больше напоминают современное общественное знание, т. е. эмпирико-теоретическое (не философское, не эстетическое, не этическое и т. д.) знание о социальном мире, отличающемся от мира божественного и природного. Наряду с «общественнонаучным» смыслом термину «история» продолжают в это время придавать и иные смыслы, отождествляющие его со знанием о божественной и природной реальности. Но уже со времен Бэкона, как правило, в этих случаях слово «история» доопределяется как «естественная (природная)» или «божественная (церковная)». «Просто» история все чаще отождествляется со знанием о социальной реальности.

Ко второй половине XVIII в. этот смысл «истории» в значении общественнонаучного знания становится доминирующим — достаточно обратиться к известным работам лорда Болингброка (Г. Сент-Джона), Г.-Б. де Мабли, французских энциклопедистов. Отождествление «истории» и общественнонаучного знания, по сути сформировавшееся в середине XVIII в., отчасти сохранялось вплоть до конца XIX в. — так, И. Дройзен, В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт именовали все общественные науки (науки о духе) «историческими»¹².

¹² Более того, следы отождествления «истории» с общественным знанием можно увидеть и в дискуссиях середины XX в., когда в аналитической философии стал обсуждаться вопрос о методах объяснения в естественных и общественных науках. В этих дискуссиях, в том числе у К. Гемпеля, Э. Нагеля, У. Дрея, естественнонаучное знание сопоставлялось прежде всего с «историей», под которой неявно понималось общественнонаучное/гуманитарное знание в целом.

В середине XIX в., т. е. в период, который условно можно обозначить как позитивистский этап представлений о структуре знания, история все еще не идентифицируется как знание о *прошлой* социальной реальности. В это время общественно-научное знание постепенно отделяется от философии, но в результате единое эмпирико-теоретическое знание о социальной реальности представляется разделенным на «теоретический» блок и «эмпирическую» часть, которая и называлась «историей».

Коренной перелом наступает в последней трети XIX в., когда формируются современные представления о структуре знания. Во-первых, в этот период в явном виде концептуализируется понятие общественных наук как эмпирико-теоретического знания о социальной реальности, отличного от других видов знания. Во-вторых, выделяются самостоятельные общественно-научные дисциплины (политология, социология, экономическая наука, этнология, психология и т. д.). Наконец, что существенно для нашего анализа, именно тогда происходит размежевание «истории» как общественно-научного знания о *прошлой* социальной реальности и всех остальных общественных наук (наук о человеке).

Осмысление истории как знания о *прошлой* социальной реальности не означало конца дискуссий о характере исторического знания. С точки зрения традиционных представлений, деление по параметру времени выглядело довольно странно, прежде всего при сопоставлении с естественно-научным знанием, которое задавало своего рода стандарт «научности» до середины XX в. Поэтому вплоть до этого времени (а по сути и позже) выдвигалась идея, что история не является наукой или является «не вполне наукой»¹³. Это позволяло элиминировать «странное» разделение между общественными науками и наукой исторической, но по сути переводило проблему просто на другой уровень.

Еще раз подчеркнем наш исходный тезис: следует различать знания (представления) о прошлом, формируемые в рамках религии, философии, идеологии, общественных наук и т. д. (оставляя пока в стороне проблему их взаимного влияния). Историю как часть общественно-научного знания не следует смешивать с другими «историческими» представлениями, формируемыми на основе иных принципов и

¹³ См., например: Barthes R. Le discours de l'histoire // Social Science Information. 1967. V. 6. No. 4. P. 65–75; Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии: Пер. с фр. М.: Научный мир, 2003 [1971].

методологии (поэтому термин «исторический» применительно к вне-научным формам знания, например философии, вводит многих в заблуждение, и его использование в современных условиях является анахронизмом, унаследованным от представлений, сложившихся в прошлом в условиях менее дифференцированной и специализированной системы знания).

2. История как знание о прошлом

Современные историки в своем подавляющем большинстве понимают историю как науку о прошлой социальной реальности, но обычно не додумывают эту мысль до конца, принимая ее как данность. На самом деле, принятие этого тезиса требует ответа на несколько вопросов.

Во-первых, *почему* только в общественно-научном знании выделилось в самостоятельную область знание о прошлом?

Во-вторых, если история — знание о прошлом, то как определить по параметру времени остальные общественные науки? Являются ли они науками только о настоящем и, если да, то где граница между прошлым и настоящим в общественно-научном знании и чем она определяется?¹⁴

Конечно, разделение общественных наук по параметру времени возникло далеко не сразу. Например, на начальном этапе специализации общественно-научного знания крупные работы по исторической социологии не были исключением, каковым они стали впоследствии. Причина заключалась не только в том, что социология проходила некий этап самоопределения и еще не сделала окончательного выбора. Дело и в некоторых характерных для XIX в. обольщениях относительно возможности «открыть» универсальные или «естественные» законы, пригодные для «всех времен» (позитивистская парадигма в обществоведении, идущая от О. Конта, и эволюционный подход, ориентированный на анализ социальной динамики).

Последующий отказ от естественно-научного подхода в социологии, экономике и других социальных дисциплинах сопровождался общим «охлаждением» к проблематике прошлого. Выработка общественными науками самостоятельного категориального и теоретического ап-

¹⁴ Более подробно эта тема была рассмотрена нами в: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. Гл. 1.

парата, отказ от некогда модного «исторического» подхода и обращение к методам структурно-функционального анализа в некотором смысле отрезали их от прошлого¹⁵. Как справедливо заметил американский историк Л. Стоун четверть века тому назад, «ни одна группа представителей социальных наук не интересуется серьезно ни фактами, ни интерпретацией изменений, если они происходили в прошлом»¹⁶.

Вместе с тем очевидно, что такая констатация относится лишь к изучению отдаленного прошлого. Ведь, если вдуматься, подавляющая часть информации о социальной реальности, которой оперируют социальные науки, тоже так или иначе относится к прошлому. Любая *сегодняшняя* газета рассказывает о *вчерашних* событиях, т. е. о прошлом, хотя читатели воспринимают свежую газетную информацию как рассказ о настоящем.

Приведем пример из области экономики. Биржевой маклер, оперирующий самой свежей информацией об изменениях валютных курсов, процентных ставок, котировок акций и т. д., будет крайне удивлен, если сказать ему, что он занимается изучением прошлого, хотя по сути так оно и есть. В этом смысле он ничем не отличается от экономического историка, анализирующего падение курсов акций во времена Великой депрессии. В обоих случаях эти события уже произошли, они уже находятся в прошлом, и вопрос лишь в том, насколько далеко это прошлое отстоит от настоящего. Иными словами, информация о курсах акций 70-летней и минутной давности качественно одинакова, в том смысле, что это информация о прошлом, а не о настоящем. Историк отличается от маклера не тем, какую информацию он анализирует, а тем, для чего он это делает, какие действия он совершает на основе анализа информации о прошлом (пишет статью или покупает какие-нибудь ценные бумаги).

¹⁵ Говоря о том, что современные общественные науки (включая и *гуманитарные*) не занимаются специально прошлым, а передали его в ведение исторической науки, необходимо сказать об одном важном исключении, а именно, о филологии. История всегда была тесно связана с филологией, что проявлялось в том числе в структуре образования: от включения истории в курс грамматики в тривиуме до возникших в XIX в. историко-филологических факультетов университетов. Эта «смычка» определялась тем, что история, как и филология, связана с текстами — историки используют тексты для изучения прошлого и пишут «истории-тексты». К тому же филология, по крайней мере со времен Ренессанса, тоже имеет дело с прошлым. Более того, именно Лоренцо Валла едва ли не первым концептуализировал понятие прошлого как *Другого* на уровне анализа текстов, выдвинув и доказав идею о том, что в прошлом создавались *другие тексты*.

¹⁶ Stone L. The Past and the Present Revisited. L.: Routledge, 1987. P. 9.

Столь же нагляден пример из области политики — любой политик учитывает последние события и действия других субъектов политической деятельности, но хорошие политики учитывают и события гораздо более отдаленного прошлого, и опыт великих деятелей минувших эпох — У. Черчилля, Ф. Д. Рузвельта, Наполеона, Фридриха Великого, Цезаря. Достаточно вспомнить «Государя» Макиавелли, книгу, которая была написана для настоящего и будущего, но при этом пронизана прошлым.

Заметим, однако, что в работах Макиавелли нет *исторического* прошлого. Это слово, пожалуй, является ключевым для понимания того, какие именно «прошлое» и «настоящее» фигурируют при разделении истории и общественных наук. Это различие связано с осмыслением исторического прошлого как *Другого*. Тем самым определяется граница между настоящим и прошлым: к настоящему, т. е. предмету специализированных общественных наук, относится та часть прошлого, когда общество не было *Другим* по отношению к настоящему, и поэтому к нему применимы схемы, модели, теории и концепции, созданные для анализа современности. Ясно, что эта граница условна и размыта; по отдельным дисциплинам и даже внутри каждой из них грань между прошлым и настоящим может сильно различаться. Но общий принцип деления «по времени» остается неизменным.

Таким образом, мы подошли к ответу на вопрос о том, почему только в одном типе знания — научном знании о социальной реальности — специально выделяется знание, относящееся к прошлому. С точки зрения «предмета» ясно, что из трех типов реальностей — божественной, природной и социальной — только последняя мыслится как подверженная существенным (быстрым, качественным) изменениям. Божественная реальность зачастую вообще предполагается неизменной, если же какие-то изменения в ней и допускаются, то периоды прошлого, качественно отличающиеся от настоящего (например, в христианстве — эпоха до Воплощения Христа), обычно привлекают гораздо меньше внимания, чем настоящее и будущее. В мире неживой природы постулируется или низкая скорость изменений, или отсутствие качественных трансформаций, и анализ прошлых состояний объекта изучения той или иной науки уже не требует специальных дисциплин и решается непосредственно в рамках астрономии, геологии и т. д. Для живой природы, где скорость изменений выше, эта проблема выражена уже более отчетливо, с чем и связано возникновение таких разделов биологии, как палеозоология и палеоботаника.

С точки зрения «метода» также понятно, почему специализация «по времени» возникает в рамках научного знания о социальной реальности. Другие виды знания — философия, мораль, искусство, идеология и т. д. — хотя и конструируют не только нынешнюю, но и прошлую и будущую социальную реальность, в основном делают это с помощью вневременных, атемпоральных категорий (бытие, добро, красота, польза, власть и т. д.). В общественно-научном же знании не существует «теории вообще», не привязанной к времени и социальному пространству. Даже самые формальные экономические модели исходят из некоей реальности, характерной для определенного времени и определенных стран.

Поэтому, в частности, мы не можем согласиться с распространенным мнением, будто бы историк лишь транспортирует в прошлое проблемы, которыми применительно к современному обществу занимаются представители других социальных наук. Дело в том, что теории общественной жизни применимы только к определенному историческому периоду и адекватны только ему.

Сфера действия и применимости большинства современных экономических, социологических, политологических концепций не превышает 100—150 лет (а во многих случаях много меньше). Все, что находится за пределами этого периода, требует иного теоретического и категориального аппарата. Начиная с какого-то момента, для теоретического анализа исчезнувшей реальности надо разрабатывать другие схемы, модели и концепции. Таким образом, историческое знание оказывается не одной наукой, а системой наук, точнее даже, множеством систем, каждая из которых соответствует какому-либо типу общества из существовавших в прошлом. Условно говоря, в идеале, например, для анализа эпохи Просвещения требуется *своя* социология, экономическая наука, политология и т. д. Или по-другому: должна существовать социология эпохи Просвещения, Ренессанса, позднего Средневековья, раннего Средневековья и т. д.¹⁷ Однако современное общество явно не склонно оплачивать труд необходимого для этого

¹⁷ Применительно к экономике эту идею развивали представители немецкой историко-экономической школы XIX—начала XX в. (например, К. Бюхер, А. Шпитгоф), считавшие необходимой разработку специальных экономических теорий для каждой «хозяйственной стадии» или «хозяйственного стиля». Такие теоретические концепции, привязанные к тому или иному историческому периоду, они именовали «наглядными теориями» в противоположность «вневременной» или «формальной» теории хозяйства, которая должна объяснять явления, не подверженные историческим изменениям.

3. История как научное знание

количества специалистов, занятых столь неактуальными проблемами. Человеческие ресурсы, участвующие в этом предприятии весьма и весьма ограничены, чем и объясняется недостаточная «теоретичность» исследований, выполненных историками, и малое число исследований прошлой социальной реальности, произведенных учеными-обществоведами (к этой теме мы вернемся в заключительном параграфе).

Конечно, предлагаемая нами концепция применима только к современной научной эпистеме, в которой существует целый ряд сложившихся социальных дисциплин, отвечающих стандартам научного знания. И методы, которые использует, разрабатывает (или должна была бы найти и применять) историческая наука для познания своего объекта, отражают (или должны отражать) состояние социального знания на данный момент. Но, как нам кажется, внесение третьей «классификационной оси» — времени — позволяет точнее определить место истории в современной системе знания.

То обстоятельство, что история занимается изучением прошлого, не означает, что она не связана с настоящим¹⁸. Историческое знание в каждый момент времени привязано к настоящему, диктуется настоящим, во многом определяется настоящим. В этом смысле конструкция прошлой реальности, воплощенная в сегодняшнем историческом знании, неразрывно связана с конструкцией настоящего, представленной в общественных науках.

¹⁸ Надо сказать, что идею о том, что история занимается изучением только прошлого, а не настоящего, нельзя назвать общепринятой. В современной историографии тенденция позиционирования историка в качестве исследователя «настоящего» (*histoire des temps présents — фр.*) представлена прежде всего французским историком П. Нора. Как писал П. Нора, на исходе XX в. «история современности» (*histoire contemporaine*) переживает метаморфозу, превращаясь в «историзированное настоящее» (*présent historique*) (Нора П. Предисловие к русскому изданию // Нора П. и др. Франция—память: Пер. с фр. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999 [1984—1993]. С. 5—14 (С. 13—14)). В данном случае речь идет о возможности применения методов исторического анализа к текущим событиям, т.е. об отказе от специализации по прошлому, которая стала отличительной чертой исторической науки с момента ее дифференциации от других социальных наук. Существенно, что новый подход скорее подводит теоретическую базу под заметные новые направления в историографической практике, к каковым в первую очередь относятся «историческая память» и *histoire des temps présents*, развиваемая более всего во французской историографии. См. напр.: *Écrire l'histoire du temps présent. En hommage à François Bédarida*. P.: Éditions CNRS, 1993; Chauveau A., Tétart Ph. *Questions a l'histoire des temps présents*. Bruxelles: Complexe, 1992; Hartog F. *Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps*. P.: Éditions Seuil, 2003.

Различие по критерию времени между историей и социальными науками, по нашему мнению, не подразумевает различий по методу исследования. Наш следующий тезис состоит в том, что как эмпирические, так и теоретические основания истории, с точки зрения современного науковедения, не имеют принципиальных отличий от других общественных наук.

Кардинальный вопрос исторической теории — это вопрос о том, как изучать исчезнувший объект, т.е. объект, существовавший в прошлом. Поскольку объект познания в истории, как правило, невозможно наблюдать или воспроизвести экспериментально, в дискуссиях о научности истории часто возникает вопрос о реальности прошлого. Однако проблема реальности «исторического прошлого» выглядит несколько надуманной. Все общественные науки работают с наблюдениями, относящимися к прошлому, и их мало беспокоит его реальность. А, скажем, в астрофизике эта проблема должна была бы стоять еще острее: картина звездного неба, наблюдаемая в настоящее время, отражает только прошлое состояние, причем весьма отдаленное во времени. Более того, эта картина имеет сложную темпоральную структуру, так как разные ее элементы (наблюдаемые звезды) относятся к разным временным моментам, в зависимости от расстояния от Земли (точнее, от наблюдателя). Астрофизики по сути занимаются столь отдаленным прошлым, которое историки и археологи не могут даже помыслить, но их нисколько не волнует проблема реальности этого прошлого. Они работают с информацией (с сигналами) об объектах, а реальность этих сигналов не подвергается сомнению.

Современная социология знания уравнивает статус реальности прошлого и настоящего.

«Исторический Дух верит в *реальность* прошлого и исходит из того, что прошлое как форма бытия и, до некоторой степени, как содержание по своей природе не отличается от настоящего. Воспринимая более не существующее как *бывшее*, он признает, что то, что произошло (в прошлом), прежде существовало в определенном времени и месте, так же как существует то, что мы видим сейчас... Это означает, в частности, что абсолютно неприемлема трактовка того, что произошло (в прошлом), как вымышленного, нереального, и что неналичие прошлого (и будущего) ни в малейшей степени не должно ассоциироваться с его нереальностью»¹⁹.

¹⁹ Châtelet F. *La naissance de l'histoire: La formation de la pensée historique en Grèce*. Paris: Éditions de Minuit, 1962. P. 11.

Особенность социальной реальности, радикальным образом отличающая ее от природной, состоит в том, что значительная часть объектов исследования имеет ограниченно intersubъективный характер. В основе социальной реальности как продукта человеческой деятельности лежат акты мышления, но они недоступны для прямого наблюдения. Поэтому в качестве первичного объекта при изучении социальной реальности выделяются человеческие действия (социальные и культурные). Однако человеческие действия (*res gestae*) локализованы во времени и пространстве и являются ограниченно intersubъективными. Эти действия intersubъективны только в момент их совершения, и в силу локальности наблюдать их может лишь ограниченное число людей. Любое данное конкретное действие имеет разовый, единственный характер и не воспроизводимо как объект для повторных наблюдений. В связи с этим в общественных науках, в том случае, когда речь идет об изучении человеческих действий, полностью intersubъективными являются *данные* наблюдений, а не сами *объекты* наблюдений. Вообще для того, чтобы заниматься анализом какого-либо общества, его не обязательно видеть.

Более того, в общественных науках требованию intersubъективности полностью отвечают лишь результаты или продукты культурных действий. При этом intersubъективный характер присущ и самой предметной форме, и символическому содержанию этих предметов. Строго говоря, устойчивый (сохраняющийся во времени) intersubъективный характер имеют только материальные объекты и заключенные в них сообщения, представленные в знаковой форме.

Тезис о том, что историческое познание отличается от других общественных наук тем, что историки не имеют возможности наблюдать исследуемый объект, по существу, конечно верен. Однако на самом деле подавляющее большинство обществоведов также не занимается непосредственными наблюдениями, в отличие от ученых-естественников, которые в среднем уделяют наблюдениям достаточно много времени. Обществоведы же имеют дело с данными (сообщениями) об объекте, и в этом смысле мало чем отличаются от историков. Конечно, здесь есть и исключения — например, культурная антропология, в значительной мере психология и отчасти лингвистика (в рамках изучения живых естественных языков) действительно активно опираются на прямые наблюдения. Однако в большинстве общественных и гуманитарных дисциплин — экономике, социологии, политологии, международных отношениях, праве — ученые имеют дело с сообщениями (данными, текстами и т. д.).

Именно этим отчасти можно объяснить наблюдаемое во второй половине XX в. увеличение интереса к анализу текстов. В некотором смысле это отражает стремление к повышению «научности» общественно-гуманитарных исследований, а не отход от нее. Требование intersubъективности эмпирического материала, являющееся непременным условием объективации научного знания (т. е. признания его в качестве знания или истинных высказываний о реальности) естественным образом выдвигает тексты (сообщения, данные) на первый план. Как заметил Ж. Дюби,

«У историков появилось стремление видеть в документе, в свидетельстве, т. е. в тексте, самостоятельную научную ценность... Они отдают себе отчет в том, что единственно доступная им реальность заключается в документе»²⁰.

В качестве другого довода в пользу отличия эмпирической базы истории от других общественных наук выдвигается также тезис об отсутствии в исторических исследованиях обратной связи между теорией и эмпирическими данными. Подразумевая под теоретической составляющей научного знания, в самом широком смысле, постановку вопросов и поиски ответа на них, можно сказать, что для ответа на новые вопросы исследователь нуждается в новой *информации*. Эта новая информация может возникать как за счет новых данных (сведений), так и благодаря новому использованию имеющихся данных.

В принципе, в XX в. историческая наука продемонстрировала колоссальные возможности развития и того, и другого (т. е. как вовлечение в оборот новых данных (сообщений) или «источников» на языке историков, так и извлечение радикально новой информации из уже использовавшихся ранее «сообщений» («источников»). Конечно, здесь есть какие-то ограничения — историк не может организовать социологический опрос, обследовать конкретное предприятие или провести психологическое тестирование какого-то человека. Однако следует заметить (и, думаю, с этим согласится каждый обществовед), что наличие у специалистов по «нынешней реальности» *потенциальной* возможности получения радикально новых данных имеет мало отношения к *реальным* возможностям.

Социолог, который сам не работает в каком-либо центре по изучению общественного мнения, имеет весьма мало шансов добиться

²⁰ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории, 1991 (Москва), 1992. С. 48–59 (С. 58).

включения интересующего его вопроса в опросные листы (кстати, и для сотрудников самих этих центров это не так просто). Специалист по международным отношениям в подавляющем большинстве случаев не может поприсутствовать на переговорах (кроме небольшого числа отобранных МИДом экспертов, да и то не всегда). Экономист не может получить доступ к документам конкретной фирмы, и почти невозможно добиться, чтобы статистические органы начали собирать новые данные (в лучшем случае на это уходят годы). Психолог вряд ли может рассчитывать на то, что ему удастся затащить в свою лабораторию сколько-нибудь известную личность и уговорить ее пройти парочку тестов. Ну а юристы и литературоведы в принципе лишены возможности инициирования новых данных в соответствии со своими исследовательскими интересами.

Как заметил еще Р. Коллингвуд,

«историки не снаряжают экспедиций в страны, где происходят войны и революции. И они не делают этого не потому, что менее энергичны и смелы, чем естествоиспытатели, или же менее способны добывать деньги, которых бы потребовала такая экспедиция. Не делают они этого потому, что факты, которые можно было бы добыть с помощью экспедиции, равно как и факты, которые можно было бы получить путем преднамеренного разжигания революций у себя дома, не научили бы историков ничему такому, что они хотят знать»²¹.

Но в полной мере это относится ко всем обществоведам (конечно, если речь идет об ученых).

Наконец, представление о науке как об эмпирико-теоретическом знании включает не только посылку о том, что не только теория должна опираться (при всех возможных оговорках) на эмпирические данные, но и теоретические построения должны каким-то образом проверяться с помощью эмпирических данных («на практике»). Это служит еще одним поводом для сомнений в «научности» исторического знания, поскольку считается, что историки, в отличие от других обществоведов, не имеют возможности «проверять» свои концепции «на практике».

На это прежде всего следует возразить, что, как показано во множестве современных исследований в области социологии и философии науки, на самом деле теории не опровергаются и не подтверждаются только с помощью эмпирических данных, и проверки такого рода —

²¹ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории* [1946] // Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории*. Автобиография: Пер. с англ. М.: Наука, 1980. С. 238.

лишь один, далеко не самый существенный механизм формирования социального запаса научного знания. Идея о том, что история отличается от «нормальной» науки тем, что в истории невозможен эксперимент, базируется на естественно-научном представлении о научных «нормах» и по сути является архаичной. Другой крайностью является попытка «подогнать» историческую науку под стандарты естественно-научного знания²².

На самом деле эксперимент, если подразумевать под ним искусственные манипуляции с объектами исследования с целью получения исследовательских результатов, невозможен практически ни в одной общественной науке (исключение составляет только психология). Тот факт, что некоторые мероприятия отдельных правительств начинают постфактум именоваться «экспериментами» (большевистский эксперимент, фашистский эксперимент и т. д.), не имеет никакого отношения к научным экспериментам, даже если в основе этих практических действий и лежали некоторые научные или псевдонаучные концепции (социальные, экономические, расовые и т. п.).

На самом деле, ни один обществовед не может провести научный эксперимент в *реальности*, и историки в этом смысле отнюдь не являются каким-то исключением. Если же говорить о *мыслительных* экспериментах, то здесь у историков точно такие же, если не большие возможности для экспериментирования, как у любого экономиста или политолога.

В XX в. инструментарий историков, традиционно изучавших письменные источники с помощью текстологии, палеографии, эпиграфики и иных прикладных исторических дисциплин, существенно обогатился методами сопредельных социальных наук. Благодаря появлению квантитативной истории в обиход вошли процедуры критики статистических источников, а социология, антропология и демография способствовали укоренению в исторических штудиях контент-анализа, устного анкетирования и других не-исторических методов, вплоть до технических процедур климатологии, примененных Э. Ле Руа Ладюри.

Однако главное изменение в эмпирической базе исторических исследований произошло не в самом материале и способах его обработки, хотя прогресс здесь очевиден, а в новом понимании роли эмпи-

²² Ср.: «Естественно-научному эксперименту соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников» (Хайдеггер М. *Время картины мира* [1950] // Хайдеггер М. *Время и бытие*: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 41–62 (С. 45)).

рического материала. Это новое понимание можно условно обозначить как переход от «источника» к «информации». С конца XIX в., т. е. на этапе превращения истории в науку, понятия информации и источника по сути начинают разделяться. Если раньше считалось, что каждый источник несет конкретную и фиксированную информацию, то теперь стало ясно, что один и тот же документ или предмет может быть источником разной информации.

Формально информационный подход или анализ информационных систем не получил в исторических исследованиях сколько-нибудь заметного распространения. Слово «информация» используется в исторических работах, но не как четкое научное понятие, а лишь как синоним «сведений», «данных» и т. д. В частности, даже в период всплеска интереса к теории информации число работ по применению информационного анализа в истории было сравнительно невелико²³. Тому есть как минимум две причины.

Первая и достаточно очевидная — высокий уровень формализации общей теории систем, теории информации и, соответственно, их комбинации — теории информационных систем. Традиционное для историков отсутствие математической подготовки естественным образом сдерживало попытки освоения этих теорий и их приложения к историческим исследованиям.

Второе, не менее важное обстоятельство — незавершенность самой теории информационных систем и ее недостаточная разработанность, которая отчетливо проявляется при попытке ее приложения к сложным социальным объектам. Если первая причина не требует комментариев, то на второй следует остановиться более подробно. Но вначале напомним, что в рамках системно-информационного подхода весьма важным является различие между «информацией» и «данными» («сведениями», «сообщениями»), которые могут рассматриваться как синоним традиционного термина «источник» (хотя «источник» также используется в значении «носитель информации»).

«...Информация — не вещь, а некоторое отношение между средой и данной системой, объектом и наблюдателем, отправителем и получателем, которые вместе, в свою очередь, образуют рассматриваемую информационную систему... Сами по себе любые сведения, данные о каких бы то ни

²³ Наиболее известной в России до сих пор остается работа И. Ковальченко, где также приведена библиография предшествующих исследований по этой теме (см.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 106–127, библиогр. на с. 114).

было объектах не тождественны информации об этих объектах. Данные и соответствующие сообщения можно охарактеризовать с разных сторон — по содержанию, по числу символов, их записи и т. д. Но сообщения несут информацию лишь постольку, поскольку они снимают неопределенность, увеличивают знание получателя, потребителя этих данных об интересующем его объекте. Следовательно, информация зависит от соотношения априорного и апостериорного знания получателя об объекте (до и после получения сообщения), от способности получателя понять сообщение и сопоставить его с прежними сведениями, данными (если он ими располагал). Необходимой предпосылкой является также включение объекта, о котором поступает сообщение, в систему, рассматриваемую наблюдателем. В противном случае данные об этом объекте как бы не фиксируются наблюдателем и не несут для него никакой информации»²⁴.

Применение системно-информационного подхода позволяет наглядно структурировать основные проблемы, связанные с анализом эмпирического материала в исторических исследованиях. В частности, можно сказать, что здесь существует своего рода «системная неопределенность», которую можно проиллюстрировать на конкретном примере.

Предположим, что мы имеем некий «источник» типа «исторических преданий» (по Э. Бернгейму), например, написанный в XI в. текст о крестовом походе. При работе с этим текстом возможны следующие системно-информационные подходы.

1. Мы считаем системой-объектом общество (социальную реальность) XI в., автора текста рассматриваем как канал передачи сообщения об объекте, сам текст — сообщением, а себя рассматриваем как систему-приёмник сообщения. Это сообщение несет для нас информацию в той мере, в которой оно уменьшает неопределенность наших знаний об объекте (обществе XI в.).

2. Мы по-прежнему считаем себя системой-приёмником, а системой-объектом — общество XI в., но рассматриваем автора текста в качестве элемента этой системы (или вообще рассматриваем его личность как самостоятельную систему). В этом случае текст является сообщением о личности автора (его мышлении, знаниях и т. д.), и только через него — сообщением об обществе, составной частью которого он являлся.

3. Наконец, сам текст может рассматриваться как система-объект (в данном случае стационарный, а не динамический, т. е. не изменяю-

²⁴ Майминас Е. З. Процессы планирования в экономике: информационный аспект. 2-е изд. М.: Экономика, 1971. С. 244–245.

ший своего состояния, но это по существу не меняет дела). При чтении этого текста мы осуществляем его мыслительную интерпретацию. Если мы фиксируем эту внутреннюю интерпретацию в виде текста, предполагая самим фактом его написания, что его кто-то прочитает, то дальше происходит переход к одному из двух предшествующих вариантов, с той разницей, что в качестве системы-приёмника сообщения выступает читатель нашего текста:

3а) Наша интерпретация рассматривается как сообщение о тексте как системе-объекте, а мы сами — как канал передачи сообщения;

3б) Наша интерпретация рассматривается как сообщение о нас как о системе-объекте или как об элементе (подсистеме) нашей социальной реальности в целом. В этом случае наш текст может трактоваться как сообщение о нашей социальной реальности или о нас как о системе личности.

Это реально существующее разнообразие подходов к анализу текстов с точки зрения теории информационных систем (более того, на практике эти подходы смешиваются в рамках одного исследования), корреспондирует с разнообразием подходов к интерпретации текстов в рамках герменевтики и семиотики.

«В течение 60-х годов складывается противостояние двух основных подходов к интерпретации <текстов>: экзистенциально-герменевтического и структурно-семиотического. В основе герменевтической интерпретации лежит представление о тексте как объективации духа. В качестве смыслообразующих компонентов здесь выступают “индивидуальность”, “жизнь”, “внутренний опыт”, “объективный дух” и т. д. Методологическую основу структурно-семиотической интерпретации составляет трактовка текста как совокупности определенным образом взаимосвязанных элементов (знаков); смыслообразующими компонентами здесь выступают независимые от субъекта “порядки”, по которым эти знаки организованы. В герменевтике интерпретация направлена на постижение смысла текста как сообщения, адресованного потенциальному читателю, в структурализме — на расшифровку кода, обуславливающего взаимодействие знаков»²⁵.

Легко видеть, что здесь обсуждаются практически те же проблемы, которые возникают при анализе текстов в рамках информационного подхода. В рамках герменевтического подхода системой-объектом является автор текста и через него — окружающая его реальность

²⁵ Малахов В. С. Интерпретация // Современная западная философия / Ред. В. С. Малахов, В. П. Филатов. 2-е изд. М.: Остожье, 1998. С. 170.

(см. выше случай 2), в рамках структурно-семиотического подхода системой-объектом является сам текст (см. выше случай 3).

4. Взаимодействие истории с другими общественными науками

Характерной чертой историографии второй половины XX в. стало использование для анализа прошлой социальной реальности теорий разного уровня, созданных в иных социальных и гуманитарных науках. Поэтому при анализе современной историографии в фокусе внимания оказывается проблема междисциплинарности, которая применительно к истории отличается явно выраженной спецификой, и проявляется в двух основных конфигурациях, которые можно обозначить как «стратегия присвоения» со стороны историков и «обращение к прошлому» со стороны представителей других социальных наук. (Вдоль и поперек изученной темы «историографических поворотов» мы постараемся по возможности не касаться).

Хотя междисциплинарность как теоретическая проблема истории вышла на первый план лишь во второй половине XX в., сам междисциплинарный подход стал отличительной чертой историографии по существу с момента ее формирования. Достаточно обратить взгляд на это направление исторического знания еще в XIX в., будь то утверждающаяся марксистская школа, геоистория или социально-культурная история, чтобы понять, что научное историческое знание уже в период самоопределения опиралось на методологический инструментарий различных социальных и гуманитарных наук, что, конечно, оказывалось плодотворным лишь при сохранении за историей собственных способов конструирования прошлой социальной реальности.

Тема места истории в системе социальных и гуманитарных наук как методологическая проблема была артикулирована уже в первой трети прошлого столетия, в частности, основателями школы «Анналов» М. Блоком и Л. Февром. Однако в 1930-е гг. большинство социальных дисциплин находились на этапе становления, и основатели школы «Анналов» испытывали пиетет не перед социальными (по мнению Блока, эти дисциплины, так же как и история, еще переживали детство²⁶), а перед естественными науками — прежде всего их поража-

²⁶ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: Пер. с фр. 2-е изд. М.: Наука, 1986 [1942/1949]. С. 11.

ли открытия в области физики. Принципиально важным следствием такой ситуации были относительно равноправные отношения между представителями социальных наук, включая историю (на этом принципе основывался и «исторический синтез», предложенный А. Берром). Может быть, не столь престижное на том этапе положение социальных наук, некоторая неосведомленность относительно их достижений или недооценка их успехов дали очень важный результат. В первой половине прошлого века претензии историков на продуцирование собственных теорий явно были выше, и, скажем, создававшаяся тогда «старая» социальная история (А. Пиренн, М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель) в смысле теоретической *самостоятельности*, по нашему мнению, не уступает «новой» социальной истории 1970-х гг., а, быть может, и превосходит ее.

Но в последние полвека историки практически не производят собственно «исторических» теорий. Примеры нескольких важных исключений, появившихся, впрочем, уже довольно давно: «Два тела короля» Э. Канторовича (1957), положившая начало «церемониалистскому» направлению в историографии; теория трех уровней социальных изменений Ф. Броделя (1958); теория детства в эпоху раннего Нового времени Ф. Арьеса (1960); «долгое Средневековье» Ж. Ле Гоффа (1985). В основном же историки, создавая крупные концептуальные работы, стали решать проблему теоретического обновления, обращаясь к теориям разных социальных и гуманитарных наук (позднее этот процесс получил название «стратегия присвоения»).

В основе «стратегии присвоения» имплицитно заложена идея, что история, которую можно рассматривать как социальную науку, анализирующую прошлые, уже несуществующие общества, естественным образом может опираться на теоретический аппарат социальных наук, занимающихся современностью. Начиная с 1960-х гг., обновление историографии происходит в высоком темпе и повсеместно в ней складывается следующая модель взаимодействия: та или иная социальная наука — соответствующая историческая субдисциплина — выбор макро- (позднее и микро-) теории — ее применение к историческому материалу.

Эта модель перевернула те отношения истории с социальными науками, которые существовали в позитивистской парадигме. Если в XIX в. предполагалось, что историки должны собирать эмпирический материал для социальных наук, чтобы в них на его основе разрабатывались теории, то теперь, наоборот, социальные науки становятся «поставщиками» теоретических концепций для истории.

Повышение популярности теоретического знания и степени знакомства историков с современными социальными концепциями (сколь бы поверхностной иногда она ни была) объясняется целым комплексом очевидных предпосылок. Сами социальные и гуманитарные науки должны были не только установиться, но и достаточно развиться, чтобы из них можно было с большей пристрастностью и разбором выбирать теории, обещающие новые перспективы в изучении прошлого. Кроме того, разработанные в обществоведении теории и их авторы должны были стать достаточно известными или даже популярными. И, наконец, должна постоянно воспроизводиться необходимая для создания нового научного знания неудовлетворенность, ощущение очередного эпистемологического «кризиса» — разочарование в старых подходах, чувство исчерпанности возможностей.

Сформировавшаяся в историографии в последние полстолетия «стратегия присвоения» сталкивается с несколькими опасностями, каждая из которых связана с утратой «чувства времени».

Прежде всего, в работах историков зачастую наблюдается своего рода «теоретическое запаздывание», т.е. использование достаточно давних и уже не вполне адекватных, с точки зрения современной науки, теорий. Бывает, в центре внимания историков оказываются «классики», утратившие актуальность в контексте своей дисциплины. Не говоря уже о непреходящей популярности К. Маркса, концептуальные исторические работы насыщены отсылками к сочинениям З. Фрейда, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Л. Леви-Брюля, ранним работам Н. Элиаса и т. д. Типичный пример — работы в русле «исторической памяти», нового направления в историографии, представители которого вообще проигнорировали современную социальную психологию, избрав в качестве теоретической основы концепцию «коллективной памяти» М. Хальбвакса, разработанную в первой половине прошлого века²⁷.

Причины для подобного временного лага разные: информационный отрыв; трудности, естественным образом связанные с ориентацией в «чужой» дисциплине и возможностями оценки потенциала новых теорий; профессиональная неготовность к усвоению сложных кон-

²⁷ Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. P.: Librairie Félix Alcan, 1925; *Idem*. La topographie légendaire des évangiles en Terre Sainte. Etude de mémoire collective. P.: P.U.F, 1941; *Idem*. La mémoire collective. P.: P.U.F., 1950. В рус. пер.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2 (40/41) (гл. 2 «Коллективной памяти», в оригинале эта глава называется «Память коллективная и память историческая»).

цепций и др. Но это уже, насколько мы можем судить, не специфика истории. Во многих междисциплинарных направлениях по тем же причинам возникает «плохая смесь».

В то же время имеется достаточно примеров «быстрого реагирования» историков на новации в социальных и гуманитарных науках. Так, в свое время в исторические исследования практически без промедления «проникли» теория модернизации, миросистемный анализ, концепция символической власти. Столь же быстро осваивались историками некоторые теории современной социальной и культурной антропологии, то же самое можно сказать и о «лингвистическом повороте» в историографии. Сегодня мы имеем достаточно много интересных примеров конструирования микроистории по образу и подобию микросоциологии и микроэкономики с применением соответствующих концепций²⁸.

Помимо «теоретического запаздывания» в рамках «стратегии присвоения» потенциально существует (и зачастую реализуется) угроза анахронизмов, обусловленных применением теорий, ориентированных на функционирование общества одного типа (одного времени), к обществам другого времени, о чем мы уже говорили выше.

Такого рода анахронизмы наблюдались в разных областях. В результате многих историков, пытавшихся совместить проверенные способы работы с историческим материалом и теоретические модели социальных наук, постигли неудачи (как впрочем и целый ряд социологов, выступивших с макротеориями исторической социологии). В тех разделах историографии, где вначале были получены впечатляющие результаты, со временем встал вопрос о границах применимости теорий, созданных для объяснения современного общества, к обществам

²⁸ В наиболее явном виде понятийный, концептуальный и теоретический аппарат социальных наук применяется в работах Дж. Леви, посвященных экономической и социальной истории, а также обсуждению теоретических проблем микроанализа. В этом смысле творчество этого итальянского историка чрезвычайно репрезентативно. Приведем лишь некоторые примеры продуктивного использования социальных теорий микроанализа в работах Леви. Из микроэкономики он использовал концепцию «ограниченной рациональности» поведения экономических субъектов, разработанную Г. Саймоном, который впоследствии получил Нобелевскую премию по экономике, и неинституциональную теорию функционирования рынков, которая восходит к работам Р. Коуза, а с 1960-х гг. разрабатывалась А. Алчяном, Д. Нортгом и др. Из аппарата микросоциологии Леви заимствует теории символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, Г. Блумер); «масштабов социального взаимодействия» Ф. Барта; символической власти П. Бурдьё, сетевых взаимодействий Дж. Хоманса и т. д.

прошлого. В целом оказалось, что очень *немногое* из социальных теорий можно было *с успехом* применить к изучению прошлых обществ.

На проблему междисциплинарного синтеза полезно посмотреть и в иной перспективе — ведь другие социальные науки также обладают собственными областями исследования, связанными с изучением прошлого (историей).

В принципе, при возникновении междисциплинарного направления в нем задействуются две дисциплины, и его создание и функционирование может либо автономно проходить в рамках каждой из двух дисциплин, либо только в одной из них. Разделение труда в смежных науках между специальностями и специалистами, в данном случае историками и не-историками, происходит очень по-разному. Поясним свой тезис на примере такой пары дисциплин, как социология и история, которые, соответственно, продуцируют социальную историю и историческую социологию. Представители исторической социологии либо делают конкретные исторические проблемы предметом социологического анализа, либо предлагают теории синтеза социологии и истории, продолжая в известном смысле дело первого поколения социологов в XX в. или даже традиции, заложенные еще в XIX в.

Как остроумно заметил П. Бергер,

«Считается, что социологи делятся на два подвида. Бульшая группа образуется из людей, состоящих в близких отношениях с компьютером и другими вычислительными устройствами; эти люди осуществляют дорогостоящие обследования очень специфических областей социальной жизни; о результатах своих исследований они сообщают на варварском английском языке; время от времени их выводы имеют отношение к тому или другому вопросу публичной политики. Меньшая группа состоит из людей, которые попали в социологию вследствие биографической ошибки (им следовало бы оказаться в философии или литературе); эти люди в основном пишут книги о теориях, предложенных давно почившими немцами; к публичной политике их теоретизирование не имеет никакого отношения — и хорошо, что это так»²⁹.

Однако, несмотря на отмеченную Бергером нетипичность, это меньшинство пользуется почетом в своей корпорации и не стремится присоединиться к цеху историков. Интересно, что даже в отдельных известных нам случаях, когда с крупной теоретической концепцией

²⁹ Berger P. In Praise of Particularity: The Concept of Mediating Structures // Review of Politics. July 1976. V. 38. No. 3. P. 399–410 (P. 399–400).

выступал ученый, имевший историческое образование (например, И. Уоллерстайн, Ш. Айзенштадт, Г. Дилигенский), он плавно (и охотно) переходил в ряды социологов³⁰. Мы можем только предполагать, что здесь играло большую роль: чувствительность теоретизирующего историка к признанию социологическим сообществом или недооценка его вклада историческим цехом, или что-то еще, но это факт. Сам же процесс подобной инициации в нескольких строчках описан французским историком Ф. Арьесом. Он замечает, что после выхода в свет его исследования «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» (1960),

«социологи, психологи и даже педиатры переориентировали мою книгу, увлекая меня вслед за ней. В Соединенных Штатах журналисты называли меня “французским социологом”, а в один прекрасный день для известного парижского еженедельника я стал “американским социологом”!»³¹

Процесс «пересечения границы» отдельно взятыми перебежчиками объективно облегчается тем, что размежевание по дисциплинарным областям на уровне результатов, т.е. готового исследования, часто действительно выглядит искусственно. О том, насколько условно деление на разные варианты историко-социологического синтеза, можно судить, посмотрев на работы Н. Смелсера «Социальные изменения в индустриальной революции», Ч. Тилли «Вандея», Ш. Айзенштадта «Революция и трансформация обществ», Б. Мура «Социальные предпосылки диктатуры и демократии», М. Манна «Происхождение власти в обществе» и многие другие работы³². Они, и многие другие, с достаточными основаниями могут быть отнесены к любой категории, хотя в целом социальная история от исторической социологии отличается как раз тем, что она использует теории, разработанные социологами. Социальная история может быть больше ориентирована на

³⁰ Еще в 1923 г. К. Брейзиг стал первым немецким историком, возглавившим созданную специально для него кафедру социологии в Берлинском университете.

³¹ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке: Пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999 [1960/1973]. С. 12.

³² Smelser N. Social Change in the Industrial Revolution: An Application of Theory to the British Cotton Industry. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1959; Tilly Ch. The Vendée: A Sociological Analysis of the Counterrevolution of 1793. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1964; Айзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций: Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999 [1978]. Moore W. E. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon Press, 1966; Mann M. The Sources of Social Power. 2 vols. V. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1780. V. 2: The Rise of Classes and Nation States. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986–1993.

период и страну, историческая социология — на концепцию и проблему. Отчасти это вопрос ориентации ученого: является ли его задачей вклад в историю или в социологию, со всеми вытекающими отсюда нормативными ограничениями.

В целом, хотя отношения истории с другими социальными науками в разные периоды складывались по-разному, крупнейшие представители историографии всегда верили в «общий рынок» общественных наук³³. Эта вера сохраняется и сегодня, поубавилось только эйфории по поводу «неограниченных» возможностей универсальных законов, исторического синтеза, математических методов, сильной теории и т. д. Изменилось представление о характере нашего знания о прошлом, да и о самом прошлом, которое теперь уже не то, «что было на самом деле», и даже не «реконструкция», а «образ», «репрезентация» или «конструкция». Многократно увеличилось количество тем и сюжетов, интересных и доступных историку. Началось и активно продолжается конструирование более причудливых, не очевидных ранее, связей между элементами разных подсистем прошлой социальной реальности. Хотя междисциплинарное взаимодействие не является односторонним — исторический подход сохраняется как общенаучный метод, да и сама историческая реальность ощутимо присутствует во всех социальных и гуманитарных науках — именно история является главной дисциплиной, создающей научное знание о прошлом.

³³ См., например: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность [1958] // Философия и методология истории. Сборник переводов / Ред. И.С. Кон. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142 (С. 116).

Препринты ИГИТИ ГУ ВШЭ

Серия WP6

«Гуманитарные исследования ИГИТИ»

1. **Савельева И.М., Полетаев А.В.** Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. **Дубин Б.В.** Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. **Руткевич А.М.** Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. **Андреев М.Л.** Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. **Самутина Н.В.** Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. **Савельева И.М., Полетаев А.В.** История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. **Репина Л.П.** Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. **Никс Н.Н.** «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX — начала XXвв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
9. **Юревич А.В.** Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
10. **Андреев М.Л.** Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
11. **Фрумкина Р.М.** Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
12. **Филиппов А.Ф.** Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
13. **Руткевич А.М.** Психоанализ и доктрина «исторической памяти». Препринт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
14. **Савельева И.М., Полетаев А.В.** Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
15. **Савельева И.М., Полетаев А.В.** Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. Препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
16. **Капелюшников Р.И.** Деконструируя Полаanyi (заметки на полях «Великой трансформации»). Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
17. **Ерусалимский К.Ю.** История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. Препринт WP6/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

Препринт WP6/2005/04
Серия WP6
Гуманитарные исследования ИГИТИ

Редактор серии *И.М. Савельева*

Савельева Ирина Максимовна
Полетаев Андрей Владимирович

История и социальные науки

Публикуется в авторской редакции

Зав. редакцией *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Н.Е. Пузанова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г. продлена до 14 октября 2003 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,9. Усл. печ. л. 1,86. Заказ № . Изд. № 491

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (095) 134-16-41; 134-08-77
Факс: (095) 134-08-31
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3